

УДК 908

А.П. ЕРМОЛОВ: ВОЕННЫЙ И ПОЛИТИК

Зайцев Александр Михайлович,
старший преподаватель
Сочинский государственный университет
туризма и курортного дела
354000, Россия, Краснодарский край, г. Сочи, ул. Советская 26 а

В статье на основе отечественной историографии рассматривается исторический портрет генерала Ермолова как военного и политика.

Ключевые слова: Российская империя, генерал А.П. Ермолов, Кавказская война.

«Кавказский вопрос» для России занимал достаточно важное место в комплексе как внешней, так и внутренней политики и был напрямую связан с так называемым «восточным вопросом». В исторической ретроспективе, борясь за безопасность южных границ и своих подданных, Российское государство не только вышло к Кавказу, но и продвинулось, как отмечал В.О. Ключевский, к естественным границам в данном регионе. Разрешение «кавказского вопроса» было связано не только с отношениями с горскими народами, но и с взаимодействием в рамках международной политики с Турцией и Ираном (Гюлистанский мир 1813 года, Адрианопольский мир 1829 года), и с такими крупнейшими европейскими странами, как Великобритания и Франция. Российская Империя, решая «кавказскую проблему», применяла традиционную (имперскую – многообразную) тактику действий, то есть использование как силовых, так и политических подходов и методов. Исторический опыт их применения, их результативность в контексте современных событий в Черноморско-Кавказском регионе, а также роль такой личности, как генерал А.П. Ермолов, привлекает значительное внимание к его периоду управления Кавказом. Тем более, что определенная часть исследователей связывает начало так называемой Кавказской войны с его деятельностью [1].

Историческая обстановка на Кавказе к 1817 году, стратегический замысел А.П. Ермолова и его военные силы.

Для правильного понимания ермоловской политики на Северном Кавказе необходимо вкратце охарактеризовать ту историческую ситуацию, которая сложилась к моменту его появления в этом регионе; раскрыть внутренние и внешние, а также субъективные факторы, определявшие действия и поступки А.П. Ермолова.

В изучаемый период основой экономики горских обществ было преимущественно скотоводство, т.к. природно-климатические условия не позволяли зачастую эффективно заниматься земледелием. Даже на равнинах Чечни, справедливо считавшейся житницей всего Северо-Восточного Кавказа, животноводство не потеряло своего значения. В таких условиях происходила консервация патриархально-родовых отношений у горцев и задержалось их дальнейшее поступательное развитие. Выходом из этой ситуации были набеги или наездничество, выступавшие в качестве компенсирующего экономического фактора [2]. Целью набегов были в основном богатые поселения, располагавшиеся на равнине Северного Кавказа, «где под влиянием России заметно оживилась хозяйственная жизнь» [3]. Между тем российскую сторону такое положение вещей, естественно, устраивать не могло, а потому власти делали все, чтобы нейтрализовать эти набеги.

Российская политика на Кавказе традиционно отличалась многообразием подходов и методов. В юные годы Алексей Петрович участвовал в походе Валериана Зубова, который был прекращен по приказу императора Павла I. Россия отказывалась от наступательной тактики и переходила к политике преимущественно невоенного сдерживания своих противников, предпочитая дипломатическими шагами решать возникающие проблемы. Из части пророссийски настроенных феодалных владетелей предполагалось создать федеративное государство, зависящее от российского императора. Этот замысел, внешне привлекательный, был явно утопичен, и в начале царствования Александра I успеха не имел [4].

Закончив борьбу с наполеоновской агрессией, Россия могла активизировать свою политику в южном направлении. Проблема Кавказа волновала Александра I еще в самом начале его воцарения на престол. Недаром вопросу о присоединении Грузии было посвящено два обсуждения в Государственном совете 10 и 15 апреля 1801 г. «Молодые друзья» императора настойчиво советовали ему отказаться от принятия этих земель, но Александр I склонился к доводам их оппонентов и 12 сентября 1801 г. подписал манифест о присоединении Грузии [5]. Принятое решение надолго определило политику Российской империи на Кавказе и таило в себе огромные военные и экономические трудности, связанные с реализацией этого плана. Во многом решение Петербурга подтолкнула активизация Ирана и Турции и действовавших за их спиной Англии и Франции, которые в это время усилили свою деятельность в близлежащих к Кавказу регионах. Начинался «новый этап, связанный с усилением вмешательства европейских держав во внешние и внутренние дела стран Ближнего и Среднего Востока» [6]. А.П. Ермолов уже после своей отставки говорил: «России нечего опасаться за свои владения, пока соседями с той

стороны остаются такие слабые народы, как персияне и турки. Но притаись где-нибудь англичане, доставь горцам артиллерию, научи их военному искусству, и тогда нам надо будет укрепляться уже на Дону. Англичане стерегут нас не спуская глаз». На горный перешеек в российском правительстве смотрели как на естественную преграду, обладание которой давало существенное преимущество ее владельцу. Позднее, уже после фактического присоединения Кавказа, о его значении будут писать: «Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское» [7].

Закономерным последствием этого шага явилась война с Ираном, которая вспыхнула в 1804 г. Поводом для нее послужил отказ русского правительства вывести свою администрацию и войска из Грузии. Начало боевых действий показало зыбкость русских позиций на Кавказе в целом и в Закавказье в особенности. После того, как положение стало критическим, только решительные действия нового главнокомандующего князя П.Д. Цицианова обеспечили относительную безопасность русским коммуникациям на Северном Кавказе. 12 октября 1813 г. в селении Гюлистан был подписан мирный договор, согласно которому за Россией признавались такие территории, как Грузия, Дагестан, Северный Азербайджан [8].

Не менее удачно завершилась и война с Турцией 1806–1811 гг. После серьезного поражения на Дунае в 1811 г. от войск М.И. Кутузова Порте ничего не оставалось, как пойти на заключение мира. Договор был подписан в Бухаресте 20 мая 1812 г. и гласил, что наряду со многими уступками Турция соглашалась на признание за Россией Имеретии, Мегрелии, Гурии, Абхазии, укреплений Редут-кале, Анаклии и Сухум-кале. Крепости же Поты, Анапа и Ахалкалаки оставались во владении Порты [9].

Таким образом, в результате двух победоносных войн России удалось де-юре подчинить почти всю территорию Кавказа, за исключением северо-западной его части. Но до фактического присоединения этого края было еще далеко. Как Персия, так и Порты жаждали реванша за неудачную войну. Одновременно усиливается британское влияние в регионе: «В то же время в Иране и в Турции усилилось британское влияние... Нетрудно понять, почему Кавказ оказался в сфере международного кризиса, возникшего на Ближнем Востоке...» [10]. В подобной ситуации русские власти стремились форсировать укрепление своих позиций во вновь приобретенных землях и, прежде всего, сделать территорию Северного Кавказа безопасной для перемещений. Этой политике зачастую содействовали грубые просчеты российских властей, ко-

торые настраивали против них местные народы [11]. Для того чтобы повлиять на горцев, традиционно применялись два испытанных способа: торгово-политические мероприятия и военные акции. Дополняя друг друга, они порой успешно позволяли распространять военно-административную власть империи на новые земли и осуществлять контроль за ее беспокойными обитателями. Но положение осложнялось тем, что Россия, пережившая и выигравшая тяжелейшую войну с Наполеоном, не могла направить на Кавказ сколько-нибудь значительные военные силы и экономические средства. Подобное положение побуждало Александра I справляться с возникшими на Кавказе трудностями в основном за счет имеющихся там сил и средств. Для этого необходим был человек, который сочетал бы в себе незаурядные военные и административные таланты, а кроме того, был бы еще не лишен дипломатических способностей. Этим человеком стал герой Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии А.П. Ермолов.

С появлением Ермолова должна была разрешиться кавказская проблема для России. Ермолов ехал на Кавказ с «комплексом победителя».

А.П. Ермолов, отстаивая высшие государственные интересы, проводил жесткую политику в отношении горцев. Кавказские реалии не оставляли ему выбора, и он, добиваясь выполнения своей цели, не жалел ни себя, ни окружающих. «Ермолов ставил задачу изменить Кавказ, и прежде всего Большой Кавказ. Но Ермолов не подозревал, что, ставя перед собой задачу коренным образом изменить обстановку на Кавказе, он и не заметит, как Кавказ будет менять его самого», – замечает М.М. Блиев [12]. В данном случае Ермолов успешнее всего воспринял те черты местных народов, которые должен был искоренять, и это станет одним из обвинений генералу при снятии его с поста. Но положительный и отрицательный опыт, накопленный за время его управления Кавказом, позволит в дальнейшем провести корректировку политики России в этом регионе.

Прежде чем приступить к описанию военных акций Ермолова на Кавказе, следует раскрыть отношение главнокомандующего к проводимой им здесь политике. А это, как нельзя лучше, видно из слов самого генерала, который заявлял: «В здешнем краю и добро делать надобно с насилием. Я толкую здесь, что, взяв на себя охранение земли и дав высокое покровительство Грузии, Россия должна повелевать властью, а не просьбами». Или «здесь снисходительное наказание преступлений, народами непросвещенными, принимается за слабость. Здесь за важные преступления необходима казнь, и строгость сия предупредила бы много преступлений» [13]. Такой подход во многом объясняет те суровые, порой жестокие меры, которыми наполнена деятельность Алек-

сея Петровича во время его пребывания на посту командующего Отдельным Грузинским (Кавказским) корпусом. Еще в январе 1817 г. в личном письме к своему другу, дежурному генералу главного штаба А.А. Закревскому, Ермолов делился своими замыслами: «В рассуждении чеченцев я не намерен следовать примеру многих господ генералов, которые, нападавая на них в местах неприступных и им знакомых, теряли множество людей, им не нанося вреда, напротив, всякий раз утверждали их в мнении, что их преодолеть невозможно, и по сочинении пышной реляции, уверив правительство в геройских своих подвигах, возвращались, озлобив их более прежнего. Я приду на реку Сунжу в места прекраснейшие и здоровые. В горы ни шагу! Построю редуты и хорошие землянки. Соберу посеянный ими хлеб и целую зиму не позволю им пасти скот на плоскости» [14].

Вернувшись в октябре 1817 г. из Персии, Ермолов уже в ноябре того же года писал императору следующее: «Смирить чеченцев необходимо надобно; но меры на то должно взять совсем другие, нежели до сего времени. Прежде войска наши ходили к ним в землю неизвестную, по положению почти неприступную... Надобно оставить намерение покорить их оружием. Но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей все, что к тому им способствовало, и заставим переменить их разбойнический образ жизни». 10 января 1818 г. Александр I издал на имя Ермолова указ, одобряющий его проект [15]. Через некоторое время, 20 мая 1818 г., генерал шлет императору рапорт, в котором дополнительно разъясняет свой план покорения Кавказа. Для исправления сложившейся ситуации он уже в 1818 г. собирался «устроить одно укрепление на Сунже в месте, самом для нас опаснейшем, или, если успеть, возможно будет учредить два укрепления». Отныне горцы, по мнению А.П. Ермолова, должны были уяснить для себя, что они являются подданными русского императора, а не его союзниками, «как они до сего времени о том мечтают». В дальнейшем цепь сунженских укреплений предполагалось «продолжить до р. Сулака... Таким образом, со стороны Кавказской Линии приблизимся к Дагестану и учредится сообщение с богатейшею Кубинскою провинциею и оттуда в Грузию». Попутно планировалось поставить под свой контроль соляные озера во владениях шамхала Тарковского и таким образом получить в свои руки еще один рычаг экономического давления на горцев. Все это планировалось завершить в 1820 г. [16] После этого можно было приступить к переносу Линии в центре, против кабардинцев, которые постоянно поддерживали связи с закубанскими народами. Позднее подобные действия назовут «правильной наступательной войной» [17].

Сложнее всего ситуация складывалась на Северо-Западном Кавказе, на правом фланге Линии, где требовались особенные «соображения

обороны». В своих мемуарах Алексей Петрович писал: «Вообще, можно сказать о правом фланге Кавказской Линии, что по причине протяжения его и мест, повсюду открытых, нет никаких средств сделать его более твердым и оградить от нападений закубанцев...» [18]. Перенести Линию ближе к горам, как это было на левом фланге и в центре, Ермолов не мог, т.к. для этого у него не было ни сил, ни возможности. Закубанские народы входили в этот период в сферу влияния Турции и юридически считались ее подданными.

Подготавливая свой план действий, Ермолов просил императора, чтобы его придерживались и в дальнейшем. Как позднее напишет один из дореволюционных историков, «самое замечательное в деятельности Ермолова на Кавказе, не его победы над горцами, не его стратегический талант и даже не его гражданское управление... Заслуживает наибольшего внимания попытка Ермолова раз и навсегда покончить с бессистемностью в политике, неопределенностью желаний и вечным переделыванием и недоделыванием».

Воплощая в жизнь свои замыслы и в отношении чеченцев, Ермолов говорил: «Я не отступаю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои...» [19]. Таким образом, видно, что А.П. Ермолов хотел добиться прекращения набегов преимущественно силовыми методами, угрозой расправы, голодом. На бумаге этот план выглядел идеальным и обещал скорый результат.

Закрепясь на Сунже, генерал приступает к усмирению Кабарды. 29 апреля 1822 г., находясь в Тифлисе, Ермолов пишет Закревскому: «Завтра выезжаю я на Линию. Кабардинцы делают большие пакости по наущению закубанцев, которые, партиями приходя к ним в помощь, нападают на Линию. Я намерен порядочно уже проучить их...» [20]. Действуя в соответствии со своим планом, 28 июля 1822 г. в обращении к императору он просит позволить перенести Кавказскую Линию к «подошве так называемых Черных Гор, от Владикавказа и до верхней Кубани». Оказавшиеся в окружении русских кабардинцы, по замыслам генерала, должны были сами охранять от набегов свои земли и, таким образом, часть войск освобождалась для обороны непосредственно «Линии, по Кубани простирающейся». Понимая, что только строительством укреплений проблемы не решить, он в донесении от 1 сентября 1822 г. просил Начальника Главного Штаба генерал-адъютанта князя Волконского «о переносе некоторых станиц Линейных Казаков» [21].

Военные силы А.П. Ермолова на Северном Кавказе являлись одним из основных рычагов воздействия на этот беспокойный регион. Создание новой кордонной Линии, рубка просек, строительство дорог,

репрессалии – все эти мероприятия были направлены для достижения одной цели: остановить горские набеги и сделать тылы русской армии на случай войны в Закавказье надежными и безопасными. Между тем военные возможности генерала Ермолова были весьма ограничены. Вызвано это было как количественным, так зачастую и качественным состоянием войск.

Императорским указом от 21 декабря 1815 г. из 19-й и 20-й дивизий был сформирован Отдельный Грузинский корпус. В идеале под началом Ермолова должно было состоять всего до 45 тыс. человек пехоты подвижного состава, т.е. на Северном Кавказе около 12 тыс., чего на практике не было. В связи с нехваткой воинских сил на Линии большую нагрузку испытывали на себе казаки, несшие охрану границы: Гребенское, Терско-Семейное и Терско-Кизлярское войска, вынужденные выставлять ежегодно до 8550 человек [22].

Нелегко приходилось и их соседям, черноморским казакам, которые еще Ермолову не подчинялись. По приказу генерала четыре донских полка должны были остаться на Кавказской Линии, что позволило несколько разрядить обстановку. По данным Н.Ф. Дубровина, некомплект достигал 11866 человек [23].

Пополнение производилось медленно и зачастую малопригодными для службы солдатами и офицерами. Вот что писал Алексей Петрович Закревскому 13 мая 1818 г.: «Ты представить не можешь, какие поступают карикатуры, но на сие роптать не имею права, ибо где бы то ни было они, будучи еще годными, служить должны» [24]. Естественно, что такой контингент боеспособности корпусу не прибавлял. Не случайно поэтому, что Ермолов еще в самом начале своей кавказской деятельности добился у императора указа о пресечении подобной порочной практики. Однако и императорский указ не повлек за собой изменения ситуации.

Вместе с тем сил для исполнения ермоловской программы умиротворения Кавказа было недостаточно, и генерал просил императора усилить его дополнительным числом войск.

Александр I, ознакомившись с просьбой генерала Ермолова, откликнулся на нее следующим образом. Он отказал ему в прибавке новых полков.

Вот что писал сам Ермолов А.А. Закревскому: «В пополнении комплект не будет даже до 26 тысяч» [25].

Ко второй половине 1823 г. в войсках корпуса вновь сложилось катастрофическое положение. Львиная доля потерь была вызвана болезнями. Вот какие данные имеются только по Тенгинскому полку: 1820 г. – убито в перестрелках с горцами 1, умерло от болезней 364; 1821 г. – 7/403; 1822 г. – нет/277; 1823 г. – 1/91; 1824 г. – 1/64; 1825 г. – неизвестно; 1826 г. – 1/90 [26]. Некомплект личного состава доходил до

16 тыс. человек, что побудило Ермолова вновь просить о присылке людей.

В дальнейшем Ермолов обратился с просьбой об усилении вверенного ему корпуса лишь в 1825 г., когда угроза персидского вторжения стала нарастать. А до этих событий главнокомандующему приходилось довольствоваться лишь вышеперечисленными силами. В этой связи тем более впечатляющими выглядят успехи генерала, для достижения которых он ограничивался довольно малочисленными отрядами. В 1846 г. в письме к В.О. Бебутову А.П. Ермолов вспоминал: «В продолжительное пребывание мое на Кавказе, весьма часто менее, но никогда более 6 батальонов не водил я с собою» [27].

Ведение боевых действий в горных условиях требовало применения иной, чем это было в европейских войнах, тактики. Тут нужны были, прежде всего, не линейные, а егерские полки пехоты. Генерал даже просил своего товарища А.А. Закревского: «В приказах Барклая... упоминается о каком-то наставлении для обучения карабинерных и егерских полков, также и о «правилах рассыпного строя». Прикажи, сделай дружбу мне оныя доставить поскорее» [28].

Главнокомандующий пришел к выводу, что «здесь войска не можно удержать в том составе, как в других местах, и покорить тому единообразию, которое так удобно в армиях в России». Ермолов «своею властью разрешил носить папахи, полушубки, длинные сапоги и сухарные мешки вместо ранцев...» [29].

Меры, предпринимаемые А.П. Ермоловым, были направлены на поддержание высокого боевого уровня войск, расположенных на Северном Кавказе. Генерал всячески добивался их необходимого количественного и качественного соответствия тем задачам, которые ставила перед ними сложившаяся в этом регионе ситуация.

Подводя итоги деятельности А.П. Ермолова на Северном Кавказе, можно сделать следующие выводы:

Практика, проводимая генералом А.П. Ермоловым, объясняется теми внутри- и внешнеполитическими факторами, которые влияли на ситуацию в изучаемом регионе. Так, часть горских народов в этот период находилась на стадии перехода к феодальному обществу, что обеспечивало их повышенную социальную активность и как следствие этого военную экспансию на равнину, направленную, прежде всего, против Кавказской Линии и Черномории. Кроме того, экономика горцев не обеспечивала население необходимым количеством продуктов и вещей, что также заставляло их пускаться в набеги. Горский менталитет оправдывал подобные действия, считая это удачью и молодежесством, для российских же поселян данные набеги были хищничеством, которое следовало пресекать и карать.

Официальный Петербург, занятый решением европейских про-

блем, еще не до конца уяснил для себя всю специфику кавказского вопроса. В столице складывалось впечатление, что на Кавказе все можно решить в короткий промежуток времени, не привлекая сколько-нибудь существенных военных сил и экономических средств, которых к тому же в стране не было. После разгрома Наполеона казалось возможным одержать победу и здесь, тем более противник имперских замыслов – горцы – не казались серьезным препятствием для европейской сверхдержавы. Утопичная политика Павла I была свернута и заменена более наступательной, чему способствовала ситуация в отношениях с сопредельными странами.

Иран и Турция не оставляли идеи вернуть потерянные на Кавказе владения. В этих государствах усилилось влияние Великобритании, чья провокационная политика способствовала нестабильности в регионе. Англия, сама стремящаяся к контролю над Кавказом, предпочитала действовать чужими руками, подталкивая Оттоманскую Порту и Персию к войне. Для России, кровно заинтересованной в безопасности своих коммуникаций на случай конфликта в Закавказье, необходимо было быстрое решение северокавказской проблемы, что мирными методами, предполагавшими постепенные шаги, добиться было невозможно.

Генерал А.П. Ермолов, прибывший на Кавказ с «комплексом победителя», стремился путем военных и мирных средств развязать затянувшийся узел местных проблем, однако сложившаяся ситуация и его личные качества – честолюбие, презрительное отношение к горцам – определили преимущественно военный характер его деятельности.

Военная деятельность А.П. Ермолова сводилась к переносу линии укреплений ближе к горам и нанесению превентивных ударов и ответных репрессалий против горцев. Стратегический замысел генерала заключался в стеснении противника тисками крепостей, постов и просек, лишению его в случае неповиновения всех средств к существованию и принуждению к миру. С этой целью строятся новые укрепления на Сунже и в Кабарде. Против закубанцев, которые юридически считались подданными Оттоманской Порты, широко практиковались упреждающие удары. Много внимания уделялось охране кордонной Линии, что позволяло ослабить эффективность горских набегов.

Однако подобные действия не дали ожидаемого результата, т.к. быстрого замирения, как рассчитывал А.П. Ермолов, не произошло. Фактически постоянно вспыхивали волнения среди местных народов, и все время своего пребывания на Кавказе Ермолов то и дело вынужден был заниматься их подавлением. На усилившуюся эффективность обороны «немирные» горцы ответили повышением организованности набегов, которые получили свою идеологию в виде мюридизма и газавата. «Освящение» набегов мы видим уже в ходе восстания в Чечне в

1825 г., а главный взрыв недовольства возникнет уже после отъезда А.П. Ермолова с Кавказа при Кази-Мулле и его преемниках.

Все же следует признать, что сам военный замысел генерала (если не считать просчета в сроках исполнения) был правильным, и это подтвердил опыт Кавказской войны, а отказ от ермоловской стратегии лишь затягивал кровопролитие и приводил к ненужным жертвам.

Хозяйственно-экономическая деятельность ермоловской администрации была направлена на развитие в северокавказском регионе «промышленности», сельского хозяйства, городского строительства. Огромное значение придавалось торговле с горскими народами. Она рассматривалась как один из инструментов по умиротворению Кавказа без применения военных сил, путем изменения менталитета местных народов. С этой целью на линии открывались меновые дворы, купцы брались под защиту российской администрации, в 1822 г. открылось «Попечительство для торговых сношений с черкесами и абазинами» и т.п. Необходимо отметить, что сам Ермолов довольно скептически (и не без оснований) относился к подобной идее, хотя и не отвергал ее, стараясь по возможности воплотить в жизнь. По его мнению, такой подход носил вспомогательный по отношению к силовым акциям характер.

Большое внимание уделялось борьбе с заразными заболеваниями.

Лишь при Ермолове фактически начинают развиваться курорты Пятигорья.

Административно-судебные преобразования, проводимые российской властью при А.П. Ермолове, показывают, что правительство сознавало специфику Северного Кавказа по сравнению с другими регионами.

Исходя из количественного состава населения, Кавказская губерния переименовывается в область, т.к. ее состояние более соответствовало статусу Областного управления, ее административный центр переносился в Ставрополь. Вся власть сосредоточивалась в руках командира Кавказской Линии, в чье ведение передавалась область.

Во взаимоотношениях с горцами применялся гибкий подход. Российская сторона мелочно не вмешивалась во внутреннее самоуправление кавказских народов, а ограничивалась, в основном, запретом антирусских выступлений и забирала в свое ведение только разбор уголовных дел. Это было «долговременным политическим компромиссом, конечной целью которого являлось постепенное гражданское приобщение» кавказцев к Российской империи. Налицо была попытка ограничить возрастающее значение среди горцев религиозной исламской верхушки, т.к. в ней справедливо виделась реальная угроза российским порядкам.

Проводимая Ермоловым переселенческая политика была направ-

лена, прежде всего, на усиление кордонной Линии и на улучшение экономического благосостояния Северного Кавказа. Предпочтение отдавалось казачьей колонизации, т.к. казаки, по мнению правительства, более всего подходили для этой задачи, ибо в отличие от крестьян, не нуждались в военной опеке со стороны командования. Кроме того, они активно использовались не только при охране границ, но и в наступательных операциях против горцев. Ермолов был сторонником причисления части казенных крестьян в казачье сословие, считая эту меру необходимой и выгодной для края. По его просьбе на Кавказ присылают женатых солдат, которых распределяют в основном в городские гарнизоны, увеличивая таким образом число городского населения.

При Ермолове продолжался процесс переселения на Северный Кавказ казенных крестьян, что не только было на благо этому региону, но еще и способствовало ослаблению аграрного кризиса в центральных районах страны.

Несмотря на то, что процесс колонизации проходил достаточно трудно, он, тем не менее, благотворно, хотя и не сразу, сказался на развитии края.

Происходит значительное перемещение горского населения с целью обеспечения безопасности Военно-Грузинской дороги, генерал начинает переселять осетин на равнину, под защиту и одновременный контроль со стороны русских укреплений. Здесь интересы русского командования и горцев совпадали, что позволило избежать конфликтных ситуаций. Помимо осетин, выход на равнину получили и ингуши, что имело важные положительные последствия для них. Однако в ряде случаев этот процесс носил принудительный характер.

При Ермолове был разработан и стал воплощаться в жизнь план по фактическому присоединению к России Северного Кавказа, получивший название «системы Ермолова». Однако довести этот план до конца ему не удалось. Мгновенного успеха, на что рассчитывал Санкт-Петербург, не получилось. Россия «завязла» в войне на Кавказе.

В заключении необходимо отметить, что Ермолов, реализуя линию Санкт-Петербурга и отстаивая высшие государственные интересы, проводил жесткую политику в отношении горцев. Кавказские реалии не оставляли ему выбора, и он, добиваясь выполнения своей цели, не жалел ни себя, ни окружающих. Вместе с тем он положил начало процессу вхождения Кавказа в состав Российской Империи со всеми вытекающими отсюда и положительными, и отрицательными последствиями.

Значение деятельности Ермолова на Кавказе выходит за рамки найденной им стратега-тактической системы. Точнее говоря, в самой этой системе содержались зачатки идей, которые в 1850-е годы лягут в основу смелых преобразовательных экспериментов А.И. Борятинского

и Д.А. Милютин. Они во многом послужили прообразом военных реформ в России: он, по сути, создал некое подобие будущих военных округов. Это делало огромный армейский организм России гибче и мобильней [30]. Его опыт был использован выдающимися военными и администраторами: М.Г. Черняевым, М.Д. Скобелевым, К.П. Кауфманом и др. при завоевании Средней Азии [31].

Примечания:

1. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001. С. 159; Клычников Ю.Ю. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827 гг.). Есентуки, 1999. С. 13; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 49; Фадеев Р.А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. С. 42, 122; Ключников Ю.Ю. Военно-политическая обстановка на северо-восточном Кавказе в 1840 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 1. С. 19–26; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 3. С. 23–26.
2. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 10–36.
3. Там же. С. 122.
4. Виноградов Б.В. Некоторые аспекты кавказской политики Павла I / Кавказская война уроки истории и современность. Краснодар, 1995. С. 186.
5. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М., 1988. С. 18–19.
6. История Ирана. М.: МГУ, 1977. С. 259–261.
7. Фадеев Р.А. Кавказская война, М., 2003. С. 40.
8. Колониальная политика царизма на Кавказе. Военная история и история военного искусства. Хрестоматия / Под ред. И.Е. Крупченко. М., 1971. С. 172.
9. Там же. С. 163.
10. Фадеев Р.А. Кавказская война. С. 37.
11. Фадеев А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. М., 1960. С. 113.
12. Блиев М.М. Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 19.
13. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С. 218, 225.
14. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому // Сборник Императорского Исторического общества. СПб., 1890. Т.73. [Электронный документ]// Сайт «Руниверс». Режим доступа: URL: <http://www.runivers.ru/lib/detail.php?ID=144312> Проверено: 21.04.2010.
15. Записки А.П. Ермолова 1798–1826 гг. М., 1991. С. 50.
16. Потто В.А. Кавказская война. Т.2: Ермоловское время. Ставрополь. 1994. С.76.
17. Шишов. А.В. Полководцы кавказских войн. С. 20.
18. Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М., 1991.
19. Там же.
20. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С. 392.
21. Там же. С. 165.
22. Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. Екатеринодар, 1913. Т.2. С. 134.
23. Дон и степное Предкавказье. XVIII–XIX вв. Кн. С. 86.
24. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому / Там же. С. 213.

25. Там же. С. 215.

26. Шишов А.В. «Смирись, Кавказ! Идет Ермолов!» Генерал от артиллерии и инфантерии Алексей Петрович Ермолов / В кн. Полководцы кавказских войн. М., 2001. С. 154.

27. Алексей Петрович Ермолов. Письма его к князю В.О. Бебутову // Русская старина. 1872. Т.3. Январь. С. 439 [Электронный документ]// Сайт «Международная военно-историческая ассоциация». Режим доступа: URL: http://www.imha.ru/knowledge_base/base-2/1144528077-bebutov-vasilij-osipovich-knyaz.html Проверено: 15.04.2010.

28. Письма Алексея Петровича Ермолова к Арсению Андреевичу (впоследствии графу) Закревскому. С. 295–296.

29. Там же. С. 298.

30. Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М., 2001. С. 167.

31. Ланда Р.Г. Средняя Азия в составе Российской империи в XIX веке. М., 2004. С. 208.

UDC 908

A.P. ERMOLOV: MILITARY MAN AND POLITICIAN

Alexander M. Zaytsev

Senior Lecturer

Sochi State University for Tourism and Recreation

26a Sovetskaya Str., Sochi city, 354000, Krasnodar Region, Russia

This article, basing on national historiography considers the personality of General A.P. Ermolov both as a military man and as politician.

Keywords: Russian Empire, General A.P. Ermolov, Caucasian war.